

Крадение помыслами: к искусству аскезы В.В. Библихина

Александр В. Марков

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, markovius@gmail.com*

Аннотация. В статье доказывается, что Библихин стремился преодолеть противоречие между континентальной и аналитической философией, истолковывая Хайдеггера и Витгенштейна в традиции исихазма. Впервые предлагается ключ к этому синтезу: учение о помыслах, которое позволяет понимать аскетику как искусство импровизации. Выявлено, что Библихин трансформировал тезис Бахтина о безопасных и опасных детях, сделав его опорным при разговоре о непрерывности восточнохристианской аскетической традиции. Раскрыты институциональные основания занятий Библихина исихастским богословием, и показано, чем Библихин отличается от других интеллектуалов, переизобретавших прерывную религиозную традицию как якобы непрерывную. Показано, что технологические истоки Ренессанса прямо соотнесены Библихиным с техникой борьбы с помыслами. Тем самым параллели между аскетикой и искусством становятся продуктивными, и диалектика отвергается ради нахождения моментов «спасения» в христианском смысле равно в наследии Хайдеггера и Витгенштейна. Подробный анализ одного из эпизодов дневниковых записей Библихина показывает, как этот мыслитель формировал модель саморазвития философии наподобие самостоятельного действия молитвы в исихастской аскетической практике.

Ключевые слова: Библихин, аскеза, исихазм, умная молитва, континентальная философия, религиозная философия

Для цитирования: Марков А.В. Крадение помыслами: к искусству аскезы В.В. Библихина // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2023. № 3. С. 160–169. DOI: 10.28995/2658-4158-2023-3-160-169

Theft from thoughts: on the art of asceticism according to Vladimir Bibikhin

Alexander V. Markov

*Russian State University for the Humanities, Moscow,
Russia, markovius@gmail.com*

Abstract. The paper argues that Bibikhin sought to bridge the contradiction between continental and analytical philosophy by construing Heidegger and Wittgenstein in the tradition of hesychasm. A key to this synthesis is first proposed: the doctrine of thoughts, which enabled him to conceive of ascetics as the art of improvisation. It is found that Bibikhin transformed Bakhtin's thesis of safe and dangerous children, making it a reference point when talking about the continuity of the Eastern Christian ascetic tradition. The institutional foundations of Bibikhin's occupation with Hesychast theology are exposed, and it is demonstrated how Bibikhin differs from those intellectuals who have reinvented the intermittent religious tradition as supposedly contiguous. It is shown that the technological origins of the Renaissance are directly correlated by Bibikhin with the technique of fighting thoughts. Thus the parallels between ascetics and art become productive, and dialectics is rejected for the sake of finding moments of salvation in the Christian sense equally in the works of Heidegger and Wittgenstein. A detailed analysis of one of the episodes of Bibikhin's diary entries shows how this thinker formed a model of the self-development of philosophy, similar to the autonomous action of prayer in Hesychast ascetic practice.

Keywords: Bibikhin, asceticism, Hesychasm, intelligent prayer, continental philosophy, religious philosophy

For citation: Markov, A.V. (2023), «Theft from thoughts: on the art of asceticism according to Vladimir Bibikhin», *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 3, pp. 160–169, DOI: 10.28995/2658-4158-2023-3-160-169

В.В. Библихин (1938–2004) – уникальный русский мыслитель, осуществлявший в течение десятилетий амбициозный проект: синтез линии Хайдеггера и линии Витгенштейна (т. е. континентальной и аналитической ветвей философии XX в.) на основании аскетической нормы самопознания, внимания к себе, контроля помыслов. В отличие от нормативного для русской религиозной философии применения догматических и мистических терминов, таких как церковь, святость или искупление, для синтетического конструирования философского направления Библихин опирается не на догматику, а на аскетику. Вычленив основное движение мысли Хайдеггера и мысли Витгенштейна позволяет не введение более общих категорий, но применение аскетических правил работы

с помыслами для интерпретации неожиданных оснований самой мысли XX в., предпринявшей метакритику мышления и языка.

Конечно, в отличие от созерцания догматики в религиозной философии, движение к аскетике не позволяет истолковать все, что сделал Хайдеггер и Витгенштейн; но дальнейшей работе над синтезом способствовало распространение критики и на саму аскетико-мистическую традицию, в частности на интеллектуальные построения Григория Паламы, в которых поздний Бибахин видел пример плоской догматики (мы употребляем это слово по аналогии с плоскими онтологиями)¹. Парадоксальным образом, упрекая Григория Паламу в слишком серьезном различении сущности и энергий, в централизованном монотеизме, чуждом корректной систематизации языковых игр с понятиями «ипостась» и «воля», Бибахин расширил объем своего синтеза. Он присоединил к хайдеггеро-витгенштейновскому синтезу Деррида и других авторов как способных иначе показывать режимы присутствия ума в бытии, а значит, вводить в философию большее число читателей.

Несмотря на обозначенные ограничения как методического применения аскетике, так и принятия конструктивных догматических векторов отцов Церкви, система работы Бибахина с богословским и философским наследием всякий раз требует признать связи, а не разрывы. И в дневниковых записях, и в философских курсах, изданных как отдельные монографии, Бибахин настаивает, что аскеза от Антония Великого и Макария Великого до нынешних русских старцев, например Тавриона Батозского², представляет собой непрерывную традицию созерцания и внимания к себе. Разрывы в письменной фиксации и даже в наличии поучений и систематических приемов обучения ничего не говорят. Ведь мы можем наблюдать, что этот метод аскетического внимания к себе срабатывал в культуре, определял монашеский образ жизни и порядки философско-интеллектуального созерцания, – и мы никогда не можем сказать, что природу этого созерцания в какой-то момент пришлось радикально поменять или подменить.

Такое изобретение непрерывности аскетико-мистической философии хорошо известно в религиоведении, например на примере неоиндуизма, или самоописания современного суфизма или хасидизма, или, если быть ближе к исихазму, в изложениях истории Афона, где любой недостаток информации о каком-то периоде такого плодотворного сосредоточения объясняют тайной учения и высокой степенью мистического восхождения его вождей,

¹ Бибахин В.В. Энергия. М.: ИФТИ св. Фомы, 2010. С. 137–142.

² Бибахин В.В. Старец Таврион // Наше положение: Образ настоящего. М.: Изд-во гуманитарной лит-ры, 2000. С. 226–241.

не оставлявшей места для письменной фиксации и развернутого инструктирования. Конкретные факты переизобретения традиции в XVIII, XIX и XX вв. при этом дают понять, что всякий раз при таком переизобретении путем публикационной систематизации, перевода, адаптации или итогового исследования с его популяризацией происходила систематизация и популяризация наследия, исключавшая зияния просто механикой современных читательских ожиданий и современных способов литературного производства. Но для Биbihина вся совокупность этих механик только подтверждает, что традиция существовала и что она не столько конструировалась, сколько легитимировалась текстами.

Но отличие Биbihина от пропагандистов неоиндуизма, этнического шаманства или какой-либо еще скрытой традиции состоит в том, что, как мы уже сказали, условием принятия этой единой традиции и превращения ее в общий метод разговора об интеллектуальных проблемах он для себя делал критику корифеев этой традиции, а не реконструкцию их позиции, в чем явно сказалась борьба против романтической идеи «конгениальности», постижения духа Руми, Беме или Ицхака Лурии через осознание особой своей близости к поставленным ими проблемам. Конгениальности он противопоставлял легитимацию новыми текстами старых, а старыми – самого аскетического или философского отношения к миру, причем эта легитимация требовала существенных пауз для размышления, действительно ли новые тексты способны нам подсказать что-то о том, как философские проблемы поставлены в старых. В своей программной книге «Язык философии» Биbihин настаивал³, что молчание не есть знак отсутствия информации, но скорее знак присутствия возможностей для раскрытия прежних философских или религиозных интуиций, – это утверждение могло бы показаться провокационным, но на самом деле оно как раз говорит о паузе, позволяющей отнести старое и новое высказывание к одному языку философии, уже произведшему некое сообщение. Для него тогда «Будущее – это направление нашего интереса» [Волкова 2014, с. 24], и наша статья раскрывает эту формулу.

В таком случае прерывание традиции можно было объяснять завистью, неприязнью, равнодушием публики, не замечавшей духовных наставников, тогда как современные свойства производства создают более совершенную публику, во всяком случае любопытствующую и обличаемую за нелюбопытство именно как публика. Здесь правила совместного существования этой новой публики и режимы восприятия фиксируемого в тексте работают на то,

³ Биbihин В.В. Язык философии. М.: Языки русской культуры, 2022. С. 29.

чтобы традиция была признана, и признана непрерывной. Именно этим объясняется другая тема Бибихина, параллельная теме аскетических оснований философии – тема Нового Ренессанса⁴; иначе говоря, такого режима публичности философии, в котором исторический Ренессанс оказывается не локализованным событием, а решением создавать само производство текстов и идей на новых, благородных основаниях, которые и считываются новой публикой. Башенные часы, рукописный курсив, фресковые кадры Джотто и другие новые медиа для Бибихина в этой книге и являются тем самым благородным производством регулярности публичного соотношения намерений и действий. Эту тему, к сожалению, всегда несколько историзуют, говоря о Бибихине [Евлампиев 2015]. Ключевой фигурой в изображении Бибихина здесь был Петрарка, который при всей своей открытости ненавидел своих завистников, блокируя любые возможности такого прерывания и оскорбления непрерывной традиции.

На небольшом объеме данной статьи мы решаем один вопрос. Христианская аскетика той самой традиции от Антония Великого через «Лестницу» Иоанна до современных православных старцев полностью построена на практике духовной брани, борьбы с помыслами, которые атакуют человека и мешают ему полюбить Бога. Помысел внушает человеку и страх, и самодовольство, и успокоение, и беспокойство, и аналитика помыслов в аскетических системах как раз вскрывает, как за бытовыми понятиями о лени, самовлюбленности или трусости стоит на самом деле действие помысла, который одновременно соблазняет и пугает, возбуждает и приводит в холодное отчаяние, т. е. осуществляет свое действие прежде, чем мы вырабатываем эти бытовые понятия. Поэтому только аскетические понятия, различающие и степени действия помысла, и особенности его лживости, могут обогнать помысел и предотвратить его вторжения. В этом смысле можно говорить о непрерывности такой традиции, если интуитивно усваивалась сама эта скорость, сам этот тип работы над собой, – примерно как мы можем говорить о непрерывности понимания «совести», если не от Сенеки, то от Августина и до наших дней, везде, где была письменная культура западного типа, подразумевавшая запись частного опыта.

Но при этом те философские традиции, которые изучал Бибихин, как раз представляли собой глубокий разрыв с предшествующей традицией. Поэтому мы ставим вопрос, что именно дает аскетика борьбы с помыслами для понимания сродства линии Хайдеггера и линии Витгенштейна, что не может дать само по себе изучение

⁴ *Бибихин В.В.* Новый ренессанс. М.: МАИК «Наука», Прогресс-Традиция, 1998. 496 с.

этих мыслителей историко-философскими методами. Мы исходим из гипотезы, что Биbihин понимает аскетическую как искусство, легитимирующее ряд других искусств, таких как иконопись, и видит в такой легитимации прообраз легитимации непрерывной традиции. Прежде проблема опережения помыслов-воров в мысли Биbihина, вообще временного параметра мысли Биbihина как успевающей мысли, затрагивалась только проведением параллелей между мыслью Биbihина и психоанализом [Хан 2022] и феноменологией [Шестова 2022] – на эти работы мы опираемся, но говорим то же самое об аскетике.

Биbihин переводил аскетико-мистических писателей восточного христианства, таких как Макарий Великий и Григорий Палама, по прямому заказу А.В. Ведерникова, одного из ключевых интеллектуалов Московской Патриархии; и именно с этого началось и формирование религиозно-философского круга Биbihина, о свойствах которого и образе будущего в нем уже писали исследователи [Штекль 2015]. Ведерников в своих публикациях конструировал две традиции: 1) многовековая связь исихазма и русской культуры с целью доказать, что церковный элемент не может быть сведен к фольклорному или социальному и тем самым обосновать особый режим изучения иконописи⁵; 2) непрерывное движение от патристики с ее целостной догматико-аскетико-мистической программой к неопатристическому синтезу как основанию участия Русской Церкви в экуменическом движении под знаменем своего самостоятельного уникального богословия⁶. Обе эти конструируемые традиции были значимы для церковной политики: с одной стороны, опровергалась секуляризаторская апроприация иконописи исключительно как одного из видов культурного наследия прошлого, с другой – участие в экуменическом движении не сводилось к поддержке текущих политических задач страны, но способствовало богословскому диалогу. Тем самым целью этого конструирования было как раз опередить привычные аргументы, исторические и политические, и показать богословское измерение иконы и духовно-нравственное и аскетическое измерение догматики. Биbihин, осуществляя переводы, создавал на русском языке в том числе достоверные тексты о помыслах, которые и помогли ему работать с философией, проблематизирующей сами условия нашей мысли.

⁵ См., например: *Ведерников А.В.* (А. Васильев). Андрей Рублев и Григорий Палама // Журнал Московской Патриархии. 1960. № 10. С. 33–44.

⁶ См.: например: *Ведерников А.В.* Профессор протоиерей Георгий Васильевич Флоровский (1893–1979) // Журнал Московской Патриархии. 1980. № 2. С. 54–57.

Бибихин очень просто преодолевает конфликт аналитической и континентальной философии. Он говорит, что этот конфликт – на самом деле «крадение» того, что сделали Хайдеггер и Витгенштейн, они сосредоточенно исследовали сами условия мысли, тогда как их последователи решили развивать их отдельные мысли и тем самым поддались помыслам, создав вместо чистой «смены аспекта» у Витгенштейна и чистого переживания присутствия у Хайдеггера противоречивые политически или академически ангажированные системы:

В православной аскетике есть угроза «десное крадение» и «шнее крадение». Шнее крадение – отвлечение от собранности на постороннее, когда собранность не удается из-за рассеяния мысли. Десное крадение – срыв собранности под благовидным предлогом, когда собранность уже достигнута, и достижение, достигнутое просветление, открывает вдруг множество возможностей своего применения «десного», «правого», на пользу, с выгодой для душевной икономии. Это – тоже крадение. То же в мысли. Один срыв – когда собранность не получается, вместо вглядывания в вину мы фантазируем о причинах вины. Второе – когда удавшаяся ясность показала <то>, что показала, перестать вглядываться, пуститься в то, что называется «интерпретацией», не в смысле комментирования, истолкования, а в смысле перенесения, приложения достигнутого прозрения к нужным, важным, полезным вещам⁷.

В курсе же о Витгенштейне Бибихин выводит основные понятия, которые помогают ему истолковать Витгенштейна, такие как «аспект», «поверхность», «расположение ума», «энергия», из Плотина, который противопоставлял «помысел» о справедливости самой справедливости как космологическому и нравственному принципу⁸. Тем самым Бибихин указывает на большую гуманистическую традицию, в которой уже удалось действовать быстрее помыслов, где уже это умеет делать прекрасный космос Плотина; и вклад христианства только в том, что подражание человека космосу перестало мыслиться просто как действие в ответ на действие, но стало частью события спасения. Именно об этом говорит Бибихин в дневниковой заметке 1973 года, как раз в период, когда он переводил Макария Великого:

⁷ *Бибихин В.В.* Ранний Хайдеггер: материалы к семинару. М.: ИФТИ Св. Фомы, 2009. С. 395. В цитатах сохраняем орфографию и пунктуацию автора.

⁸ *Бибихин В.В.* Витгенштейн: смена аспекта. М.: ИФТИ св. Фомы, 2005. С. 492.

Почему помыслы называются ворами. Потому что, когда мы начинаем приближаться к ним и прослеживать, преследовать их, они сперва ясно видны, затем начинают как бы удаляться, а потом мы неизбежно теряемся, теряем их след, они украли у нас... что? Слишком грубо говорить, что помысл есть сама видимая нами украдываемая мысль; помысл не сама мысль а ее вор. Мысль мы видим, когда она уже украдена и уносима, сам же помысл проник раньше ее, невидимо. Вот почему наивно стараться, чтобы «помыслы не возникали». Никаким своим усилием мы не можем помешать врагам растаскивать наше добро; ведь мы не можем бороться с невидимым, с ним может справиться лишь Спаситель. Сердиться же и негодовать на видимые мысли, украденные помыслом, нелепо, потому что это наши же дети, воруемые от нас. Их родил не помысел, а чистая жена – молитва, невеста Христова. Отвергая их, мы как бы лишь помогаем помыслу их унести. Бросаясь в погоню за ними, мы отказываемся от помощи того единственного, кто способен справиться с невидимым для нас врагом⁹.

Эта заметка прямо предшествует размышлению об авторстве «Откровенных рассказов странника», как раз произведения XIX в., которое и легитимировало исихастскую традицию как непрерывную, и предполагаемая личность автора в чем-то напоминает в этом изложении то, как Биbihин описывает обычно Петрарку как мягкого в быту и разговорчивого человека. Но существенно другое: помыслы оказываются ворами в том смысле, что они позволяют увидеть украденную мысль, точно как континентальная философия позволяет увидеть мысль Хайдеггера, а аналитическая – мысль Витгенштейна. При этом оба огромных курса, по Хайдеггеру и по Витгенштейну, показывают чуть ли не на каждой странице, что это возникновение «срывов» было неизбежно, это часть истории философии. Но как только мы начинаем говорить, что хоть какое-то явление спасено, например «цвет» по Витгенштейну или «настроение» по Хайдеггеру, то мы уже начинаем мыслить единство Хайдеггера и Витгенштейна как той общегуманистической прекрасной традиции. Искусство аскезы изображает философию как текст и легитимирует философию как современное мышление, вдохновляемое всеми непрерывными традициями.

При этом амбивалентность этой кражи, которая и лишает нас наших мыслей, и сохраняет их как часть истории философии, никак не может быть согласована с философскими диалектическими моделями вроде гегелевского «снятия» и прочей негативной диалектики от Гегеля до Адорно. Но такая амбивалентность,

⁹ Биbihин В.В. Отдельные записи 1965–1989 гг. СПб.: Владимир Даль, 2022. С. 134.

скорее всего, наследует рассуждению Бахтина из книги о Рабле, где также обновление мира связывается с исчезновением рожденных детей, но также и другие дети, как бы не мысли, а помыслы, оказываются ворами. Бахтин делал книгу Рабле основанием межконфессиональных дискуссий, выводивших на проблему аскетического стандарта [Марков 2022]. Здесь, у Бахтина, Зевс предстает как метафора мысли (в полном соответствии, заметим, с неоплатоническим и вообще теургическим культом Зевса как Ума), и Эдип в его противоречивой судьбе – как метафора помысла:

Страх Панурга перед неизбежными рогами и осмеянием соответствует в смеховом плане «галльской традиции», распространенному мифическому мотиву страха перед сыном, как неизбежным убийцей и вором. В мифе о Хроносе существенную роль играет и женское лоно (лоно Реи, жены Хроноса, «матери богов»), которое не только рождает Зевса, но и прячет его уже рожденного от преследований Хроноса и этим обеспечивает смену и обновление мира. Другой общеизвестный пример мотива страха перед сыном, как неизбежным убийцей и вором (захватчиком престола), – миф об Эдипе. И здесь материнское лоно Иокасты играет также двойную роль: оно рождает Эдипа, и оно оплодотворяется им. Другой пример того же мотива – «Жизнь – сон» Кальдерона¹⁰.

Мы предполагаем, что как раз эти слова Бахтина были первым побуждением для рассмотрения «крадения», потому что они как раз истолковываются аскетическим пониманием помыслов как трагически противоречивых, одновременно внушающих амбиции и страх, а мысли – как главенствующей и правящей, которая не просто появляется, но возрождает бытие. Тем самым философская программа Бахтина преодоления противоречий между аналитической и континентальной философией возникает тогда, когда Бахтин, легитимирующий единство художественной литературы от античности до наших дней, повторяет программу аскетического понимания помыслов, сам как будто о том не зная и не догадываясь.

Бибихин уже знает, как работать с помыслами, и поэтому всякий раз, обращаясь уже не к художественным формам, а к напряженной философской мысли, может устанавливать и ее единство. Единство саморазвивающейся философии таково же, как единство исихастской самодвижущейся молитвы. Это уже не изобретение традиции, а признание, что она могла справляться с вызовами; и как технические реформы привели к Ренессансу, так и реформы аргументативной техники Хайдеггером и Витгенштейном ведут к Новому Ренессансу.

¹⁰ *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1965. С. 264.

Литература

- Волкова 2014 – *Волкова Э.Н.* Русские философы-«традиционалисты» как предвестники постмодернизма: П.А. Флоренский, В.В. Налимов, В.В. Библихин // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2014. № 14 (136). С. 11–25.
- Евлампиев 2015 – *Евлампиев И.* Ренессанс как неудача и как новое начало: концепция европейской истории в книге Владимира Библихина «Новый ренессанс» // Стасис. 2015. Т. 3. № 1. С. 344–363.
- Марков 2022 – *Марков А.В.* В.В. Библихин и Л.Е. Пинский в споре о новом эпосе // Наука. Искусство. Культура. 2022. № 4 (36). С. 104–113.
- Хан 2022 – *Хан Е.И.* Тема «узнавания себя» в философии Владимира Библихина // Философия: Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 6. № 3. С. 32–56.
- Шестова 2022 – *Шестова Е.А.* Герменевтическая этика Владимира Библихина (чтение как событие) // Философия: Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 6. № 3. С. 57–69.
- Штекль 2015 – Штекль К.* Владимир Библихин: биографические заметки и московский круг религиозных интеллектуалов // Стасис. 2015. Т. 3. № 1. С. 400–407.

References

- Volkova, E.N. (2014), “Russian ‘arditionalist’ philosophers as forerunners of postmodernism: P.A. Florensky, V.V. Nalimov, V.V. Bibikhin], *RGGU/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, vol. 136, no. 14, pp. 11–25.
- Evlampiev, I. (2015), “Renaissance as a failure and as a new beginning: the concept of European history in Vladimir Bibikhin’s book ‘The New Renaissance’ ”, *Stasis*, vol. 3, no. 1, pp. 344–363.
- Markov, A.V. (2022), “V.V. Bibikhin and L.E. Pinsky in a dispute about a new epic”. *Nauka. Iskustvo. Kultura*, vol. 36, no. 4, pp. 104–113.
- Khan E.I. (2022), “The theme of ‘self-recognition’ in the philosophy of Vladimir Bibikhin”, *Filosofiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, vol. 6, no. 3, pp. 32–56.
- Shestova, E.A. (2022), “Hermeneutical ethics of Vladimir Bibikhin (reading as an event)”, *Filosofiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, vol. 6, no. 3, pp. 57–69.
- Stoeckl, K. (2015), “Vladimir Bibikhin: biographical notes and the Moscow circle of religious intellectuals”, *Stasis*, vol. 3, no. 1, pp. 400–407.

Информация об авторе

Александр В. Марков, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия: 125047, Москва, Миусская пл., д. 6; markovius@gmail.com

Information about the author

Alexander V. Markov, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia: 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; markovius@gmail.com